Ajal perişdesi / poema

Category: Kitapcy, Poemalar, Ýatlamalar написано kitapcy | 25 января, 2025 Ajal perişdesi / poema AJAL PERIŞDESI

(Gündogar hekaýaty)

A.M.W-e bagyşlanýar

Señki, señki meniñ gaýnagy synan Dereksiz, ýönekeý işlem — señki men, Emma doludyr ol hyjuwdan ganan Ýatlamalar bilen hem-de sen bilen!

Men gam çekip ýaşap ýörün, jigerim Göterýär näzenin keşbiñ gursakda, Ýöne senden meniñ ýalñyz dilegim: Ajal perişdäm bol soñky pursatda.

Gel, sargaryp-solan çagym gussada Hem-de posañ bilen kepil geç bada Basym gowşup biljegime husnuña Söýgi dünýäsinde, özge dünýäde!

Gudratlar mekany tylla Gündogar
Lezzetiñ, heseriñ, yşkyñ ülkesi.
Ülpüldeşer gögüñ gyzy — gülleri.
Bagtdan gaýry zat bol, küýseseñ eger;
Onda tereñ derýa çasly akýandyr,
Erkin bulut gökde leññer atýandyr,
Şapaklar asmanyn zer bilen ýuwar,
Gözleriñ gamaşdyr dünýäniñ görki —
Gözelligi — şol ajaýyp günleriñ,
Entek ynsan betnam bolmazdan öñki
Görmegiñe kölge düşmändir seniñ.
Söýýän seni, tylla reñkli Gündogar,
Kim synlasa jemalyñy bir kerem,

Dogduk diýaryny çykar ýadyndan. Señ tekepbir gözel gyzlaryñ gören, Labyrdardar-da, gara gözleñ odundan Şeksiz gulak goýar, ot salyp köñle Meniñ size berjek gamgyn gürrüñme.

Ajal perişde bar; ömür ötende, Gazaply ahyryñ gelende ýowuk, Ol bagryna basar bizi, öper-de, Yöne posalary sowukdyr sowuk. Haýygarys, görgeý galarys doñup, Günämizi ýuwjak bor jan derimiz, Tibirdäris, urnup galarys derde, Oña rowa görmän soñky demimiz. Emma bir wagt bu duşuşyk il-halka Görünipdir eziz ykbaly bolup. Ajal perişdesi dalda deý gelip, Pynhan dilde aram beripdir kalba, Köşeşdiripdir ol nazaryn salsa, Howpurgan duýgyña saldyryp taby. Könle ginlik berip gelipdir hötde Herhal ynam bilen hassalan jany Bir dem aldamaga soñky müddetde!

Ajal perişdesi jümle-jahanda
Aýlanypdyr, häzir bolupdyr her dem;
Kime dünýä şepagatsyz bakanda,
Tapylmasa kimiñ derdine melhem;
Ol geldigi könül tapyp aramy,
Ýelgini beripdir asmanyñ demin.
Ol misli bir ýyldyz, göwher parasy,
Dünýä saçyp imisala şöhlesin,
Nega kim eýlese ömrüni ahyr,
Maýyl edip äkidipdir behişde
Ýeriñ azabyndan dynanyñ ruhun.
Ilem bagtly, bagtly eken perişde.
Indi näme ony gören gagşaýar,

Posasy – oñ lagnagyna ogşaýar?

Däli möwjüñ tolkunynyñ urulyp, Güwwüldileñ nagra dartýan ýerinde, Hindi günnüñ aşagynda garalyp Bir-birin ýassanan gerişlerinde, Sonky gaýa diýsen gorkunc hem beýik, Otyr sary kertin şemala gerip, Göwre deñze, başy girýär asmana, Bürgütler uçup ýör höwürtge gurup. Balykçylar gorkýar iñrik garalsa Şol elhenç daglyga aýak basmaga. Deresi basyrlan ýaban daragta, Hoñkaryp dur onda ýylan-içýanyñ Garañkynyñ mesgen tutan gowagy -Ylla hamhyýala aldanan akyl, Bimatlap sürülen ömür deý ylla, Hoñkaryp dur etmişini aýtmadyk Gandar gözleriniñ sowuk owasy: Gijeler çyrasy — asmanyñ aýy, Ýalñyz hümürdeşi — deñiz tolkuny. Gowaga goýulan garawul ýaly Hurma agajyndan doly alkymy.

Gadym zamanlarda ýurdundan kowlan Bir gelmişek ýaşapdyr şol gowakda. Ýaşapdyr Zoraim atly bir oglan Ony ýekiripdir halk-da hem Hak-da. Ol bagtlam boljakdy, ýöne döwrany Agtarypdyr bolgusyz hem pes ýoldan. Kämil däl diýp kemsitse-de özgäni, Özem asla kämil däl eken ilden. Beýiklik gözläpdir manysyz zatdan, Ýersiz heder edip, çekipdir arman Ýalançy-da ýalandygna bagtyñ-da! Çete çekilipdir ýakyndan-ýatdan,

Bu dünýäde hiç adama ynanman.
Söýüpdir ol erki, howaly dagy,
Agşamlary, adamlaram söýüpdir,
Emma ram edinip nowjuwan çagy
Ili ýigrenmäge kemsiz uýupdyr.
Ýöne ýüreginde lowlaýan ody
Söndürip bilmändir hiç bir pillede.
Söýgi asla gorkýan däldir sütemden:
Yşk — Hudaýdyr — hatda ýigrenilse-de!
Diñe bir keramat, ýalñyz baýlygy
Eltäýjek ýalydy ony myrada
Jennete öwürip çölüstanyny...
Ýöne... oraşanmy düýşler mydama?..

Howalaly bir baýrynda Liwanyñ Şaglap otyr serwi — mazar agajy. Cyrmaşyşy ýaly iki juwanyñ Cyrmaşyk bägüldi daragtyñ daşy. Goý, tüweleý tursun, harasat-ýeller Omursa omursyn heder etmez ol. Dal gerdenne çyrmaşypdyr bägüller; Diýmek ýalñyzlykda ölüp gitmez ol Bu dünýä ýat Zoraimem şeýledi, Ýanynda Adasy – peri-peýkeri! Tezdi Ada sähra maraly ýaly, Terdi Ada jennetiñ al güli deý. Duýgudandy göwsi, sagrysy, bili, Gözlerde ot - Günortanyñ güni deý. Dünýä keýpi-sapasydy gözeliñ, Tukat hem gödeñsi şol mysapyr tä Gyza dikip buzdan sowuk görejin, Onuñ näzik dünýäsine girýänçä: Şonda täsin meýil döräp Adada, Ýigdiñ öli ýüregine jan berdi. Ysk oduny ýakyp sowuk didede, Berdi ýüreqine owsunjy jebri. Söýdi ony Zoraimem şol günden,

Söýgä diñe söýen düşünip biler. Ykbal sulhun alyşdyrsa göwünleñ Diñe gabyr aýra düşürip biler!

Gök asmanda zeriñ damjasy deýin Ýyldyzlar hem Aý salýardy ýalkymy, Saçýardy gowaga kümüş şöhlesin; Ummanyñ bitakat däli tolkuny, Gijäñ sergininden doly tolkuny Agarýar-da gujaklaýar gaýany. Ýadymda şo mahal, ýadymda şo çag, Adaty bir owaz, gamgyn bir owaz, Ýañlandyryp gitdi dagyñ gaýasyn: Gowagyndan çykdy gowagyñ hany. Ha6sy melgun jadysyna daýanyp, Gudrat bilen sem etdi ol owazy?..

Özün bilmän diýen ýaly bimejal Ýatyr Ada garaşyp şum ajala. Onuñ roýyn sypap össe-de şemal Sanalgy dem gutarypdy alara. Gündogara garap çyraýsyz gözler Gubarlap biderek galýardy derde: Gaýdyp ol owadan säheri görmez, Barybir oñ üçin gutardy erte; Erte çykar Ada başga bir ýerden, Onda derkar däldir Gün hem säher hem! Gyzyñ başujunda hazan uran dek Bir pynhan duýgudan elheder alyp, Dyzyn epip, gamdan bir gysym bolup, Dur Zoraim, gyzyñ demi azalýar. Mysapyryñ penjesinde gözeliñ Sowap barýan eljagazy agarýar. Durmuş ony ýyldyp bilenok hatda: "Ölüp daşda gözleriñe söweýin, Eliñde ýyly ýok, oña em tapdyr, El sowany bilen ters gelmez takdyr!"

Ine şeýdip pajygaly pursatda, Umydymyz ýok zatlara jan salýar, Ynanýarys özümize erk etmän. Salgym deý aldaýan hyýala hat-da. Ynam ýüregmiziñ üstünden gülýär, Ynam biziñ ýüregmizi terk etmän.

Ajal perişdesi dünýä keşt edip, Günortadan uçup gelýän halaty Bitakat howsala ýüregin ezip, Gelipdir gulagna yşkyñ nalasy. Zemin sary inip sähel salymda, Gonupdyr ol sol gowagyñ ýanyna. Görse, bir näzenin derdiñ elinde Gidip barýar, eräp barýar panyda. Dep etmäge agyr derdin Adanyñ Datly posa bilen sogurdy janyn, Başga alaç edip biljegem däldi!.. Ýa-da gelniñ janyn alan mahaly Zoraimiñ duranyny görmändi... Emma birden ýag çyranyñ ýalkymna Görüp doñan hem düşnüksiz nazary Müýnden ýaña ýürek-bagryn gyýdy ol, Keramatly öz perişde kalbynda Eden hatasyna ahmyr duýdy ol. Cynym aýtsam, hatda jenaýat işde Özüni kä günälärdi perişde. Apardy ol Zoraimiñ bagtyny. Ýigit bu dünýede bir gyz söýüpdi, Şonuñ üçin akyl-parasatdan-da, Duýgudan-da onuñ yşky beýikdi... Ýok ýok, aglamady mysapyr, çünki, Aglandan elhençdi gan-petsiz reñki Sebäp onuñ söýgüsi hem gussasy Iki bolup ölmüñ öñün tutmady. Perişde dert-yza syzdy könülde; Ýigdiñ asuda hem sowuk dymsynda

Bardy namutlykdan, pidadan nyşan. Gam çekenden — aglanyñ has ýeñil-le, Ýeñil-le bagryña öýdürenden gan.

Perişde asmany pikirler bile Örtenýär terstäleý özi dek ylla: Münýär ýigdi begendirmek meýline. Heý-de betbagtlary ýaradan Alla Gynanarmy begendirseñ ynsanyn? Emaý bilen salýar gyzyñ meýdine Perişde gursakdan sogrup öz janyn Gudrat!.. Tirsildi bar gyz göwresonde Tene säher çaýyp gany ýöredi. Garamyk kirpikleñ kölegesinde Ýandy onuñ ýyldyrymly göreji. Seýdip Ajal perişdesi garyldy Bu durmuşda eziz zatlañ baryna, Ýöne aklyñ serhetleri bar indi Hem ozalky hökmi ýokdy panyda. Diñe oñ dumanlap duran serinde Geçip giden ýyllañ oýlary bardy; Günortanyñ aýsyz gijelerinde Ol süýnen ýyldyz deý ýalkym atýardy. Sonda bigamlygna haýrandy Ada, Geljegem garañky görnerdi sonda. Bakyýet deý baky duýgylary-da, Bir duýga, bir duýga jemlendi onda. Hyýaldan, hyruçdan möwç urup göwün Söýüp ýalñyzlykdan dynan ýaryny. Bigünä kalbynda, hamana, ölüm Yşk oduny söndürmedik ýalydy!..

Günleriñ bir güni şol beýik gerşiñ Üstünden tolkunlañ oýnuna bakyp, Otyrdy mysapyr pikire batyp. Tylla şapak oýnap mawy ummanda Bimöçber giñlige çaýanynda zer, Görünýärdi ygym-sagym dumanda Alysdan agaryp barýan ýelkenler. Garamyk gözleri bakanda dikan Bir gozgalañ duýdy ýigdiñ kalbynda. Göwnüñe bolmasa, turýardy tupan Oñ ýabany ýürek salnan kalbynda. Ýigit bolsa aljyraññy didesin Alyslara dikip, ot salyp jana Emaý bilen bagra basyp Adasyn, Eda bilen habar gatdy jenana: "Ýok! Men gaýdyp iñläp ýatan ykbalda, Birmeñzeş günlerde mydar etmerin. Men erkin men, ýöne ýürek zyndanda, Erkin bolmalydyr ýüregim meniñ! Durmus näme? Dolam bolsa zäherden Ber maña şöhratdan püre-pür bada, Çekeýin başyma, geçeýin serden Rahat ömür - ölüm ahyr dünýäde! Maşqala hamydyn başymdan aýlap, Ir-giç erkinlige giderin ýaýnap… Aýt ahyry, örtenip bu panyda, Çeke-çeke panylygyñ jebrini, Ýasanyma ýalñyz delil – bakyda Ýalñyz yz deý goýmalymy gabrymy? Dirilikde öli borunmy? Yok! Yok! Seret, Ada, añyrsynda şol dagyñ Basym agyr goşunlary garpyşjak Biri-birisinden gazaply şanyñ: Bulutlañ içinde oýanyp säher Dañ hal atyp jemalyny durlanda, Gylyçlañ sesinden lerzan alyp ýer Elhenc-elhenc zog çalanda surnaý-da, Haýsam bolsa birisine sol sanyñ Nöker bolup jeñe giderin erte. Amana gelmerin çykmasa janym Hem garaşma meniñ ýeñlip gelerme! Men gelmerin, diñe tolkunlar geler

Bir-birin kowalap harasat-gaýda. Olar birsellemlik ynjalyp biler Gamysly, jyglymly su jelegaýda. Eger ýeñsek sol gazaply soltany Biziñ peýdamyza tamamlansa jeñ, Saña biýrin hazynany, oljany Maña bolsa besdir şöhrat bile sen. Bilýärin men: uly söýgi hiç zaman Gahryman gylyjyn eden däldir ret. Hatda señ raýyñy ýyksam-da, Adam, Maña hökman, hökman gan görmek gerek! Ynan, gorkuly däl maña birjik-de Batyl hem hilegär ykbalyñ oýny. Näme ýasyñ düwmelendi kirpikde, Saña näme bolýar, eý serwi boýly!" Diýýär oña Ada: "Görüpmidiñ sen Akyp ýatan çaýyñ başynda biten Güli, elwan güli pasly-baharda? Çaý asuda aksa näz eder gül hem Çaýdaky öz jemalyna bakar-da! Eger ýel öwüsse, bikarar bolup, Tursa çayyñ büklüm-büklüm tolkuny, Gülüñ kölgesi-de elheder alyp, Eýsem suwda yranmazmy gül kibi? Bir ahyry seniñ, meniñ ykbalym, Gitseñ hasrat çaýylar meñ gamzama, Sen çaýyñ tolkuny, men näzik gülüñ: Sen gamlymy - meniñ goýnum gamhana: Neneñ ýasaryn men aýrylsam senden? Bu bagtly pursadyñ soñudyr, belkem!.."

Neçüýn, neçüýn bu mukaddes jülgede Mirt* gülleri saçýar ýakymly ysyn? Neçüýn, Tañrym, adamlar bu dünýede Goýýar tebigatda öz hapa yzyn? Topur-torç edilip maýsaly meýdan, Güller gyzyl gana boýalýar ýerde. Guşa derek uçýar asmana peýkam
Totdur-tozan arşa hem kürse perde.
Ýeñýänleñ şowhuny, ýeñlenleñ ahy —
Efganyndan jünbüş eýläp gara ýer,
Goh-gowurdan göterilip haýýady
Mesgeninden uçup gidýär bilbiller.
Olar taşlap gidýär eziz diýary
Gülleriñ — söýgüsniñ şa mekanyna.
Onda gara ýygyn basgylap ýazy,
Boýap bilmez gülleri al ganyna.

Diñle!.. zenzeläni!.. Ýer-gök çañjaryp,
Damagyny ýyrtýar söweş surnaýy.
Gulakda peýkamlañ sesi ýañlanyp,
Ideýär meýdandan betbagt gurbany.
Gündogardan gyzarýar-da dogýar gün,
Gan gören gün, gara ýerdäki sap-sap
Nökerleriñ, serheñleriñ gürzüsin,
Naýzasyn, gylyjyn al gana boýap.
Kem-kemden garjaşyp şalañ goşuny
Gylyç sürüp süri kimin goşuldy.
Gürzi gümmürlenip, polat naýzanyñ
Tygy ýalkym atýar, çat açýar galkan.
Esgerleñ ýüregi — galkany şanyñ —
Sanjyber patşany nyşana alsañ!..

Heý, beýle-de söweş bormy, eý Alla! Ýyldyrym çakdyryp, gök lerzan alyp, Bulutlar garpyşýan ýalydy ylla. Leşgerleriñ güýji barabar bardy. Goşun garpyşýardy, ganlar sil bolup, Her tarapa böreñ-böreñ akýardy, Ykýardt baýdagyñ gara kölgesi, Läş-läşiñ üstüne, agýardy esger, Uçgun deý sönýärdi jan beren sesler. Şo barmana ýeñse berdi bir tarap: Gaçdy bosgun, ökje göterip ýygyn, Gaçanlardan garaw bolmajagy hak; Çap-da, sanç-da gyzyl ganlara ýylyn! Diñe ýalñyz ýigit, golda galkany Gylyc saldy gazap donuny geýip, Yöne onuñ daşyn duşman gallady, Gallady daşyny baslygan meýit. Seýdibem meýdanda ýeke-täk galdy, Ýok, ol şa-da däldi, şazada däldi, Janalqyç nazary içiñden geçip, Bethaýbat göwresi howuñ bassa-da. Yöne okýylan dek bir peýkam uçup Ajal bolup geldi ýigdiñ kastyna. Bedewiñ üstünden agyp gaýtdy ol, Ne ah çekdi, ne-de bir söz aýtdy ol. Ýañlandy meýdanda ýeñiş şowhuny -Ýañlandy ýas mukamy deý o merdiñ. Yalyn ýaly cabrap duşman kowgusy Geçip gitdi basyp şol ýigdiñ meýdin.

Kötel gara dagda nowjuwan Ada, Naçar Ada durdy syn edip ýowa, Yüregin mynçgadyp sessiz perýada, Säher deý kaddyny gözýaşa ýuwa. Gara gözler, wah, gark bolup barýa-la, Ýaslara öwrülip barýa-la gözel. Gursagynda gyz ýüregi urundy. Eý, Hudaýym, Adañ gözlerin gören, Hatda söhrady-da etmezmi pida? Emma Zoraime eziz göründi Gyz mährinden gana barýan şo ýoda. Wah, kelesañ! Bilmediñ sen gymmatyn Gola düşen baqtyñ gymmatyn haýyp! Bilmediñ sen perişdäniñ, jennetin Terk edip, janyny berenin Ada Seni gam-gussadan gutarsam diýip! Ol şatlykdan, bakylykdan aýryldy Dep etmäge seniñ agyr hasratyñ,

Janlandyrsam diýip seniñ aýdymñy A sen Ada näme gulak asmadyñ? Duýsandyn sen onun dowul alýanny. Eý mysapyr, görküñ perişdesi heý, Tekepbir, boş hyýalyndan arzanmy? Garaşýar ol ýüzün ýaşlara ýuwup, Meýdanda sümsünýär imisalalyk, Jeñ bolan jülgede üzülip rişde Duşman gitdi duşman yzyndan kowup. Jeset bolup ýatyr sansyz halaýyk. Nirede sen köşeşdirji perişde, Nirede sen buşlukçysy jennetiñ? Ol zemini hyjuwlardan örtenýär Hem eşdenok ahy-pygan seslerin. Günem batyp barýar, garaşýar Ada… Ol bolsa gelenok... Dünýä asuda!..

Gözel jülgä inýär assa-assadan, Alnynda elhençlik ýaýylyp ýatyr. Meýit – aýagyñy ýer diýp bassañam, Başy ölümli bigünäniñ howatyr Edişi deý ölüminiñ öñünde, Howpurgaýar, gorka garylan ynam Gaýmak ýaly endiräp dur köñülde. Gorkunçdy, ýow geçen jülge gorkunçdy, Bardy onuñ yza gaýtmak hyýalam Emma gorkusyndan rüstemdi yşky. Gyş başyny egýär: efgana-aha Demigýär, uruşy ezýär ýaşyna. Doñup galýar! Ine, şu mahal Ada Mazar liliýasyn salýar ýadyña! Nirede ol? Ölen bolsa ezizi? Onda kimkän bu çalajan iññildän? Aýagnyñ astynda perişan gyzyñ? Döşüni peýkama boýladan kimkän? Kimiñ sesi berbat eýleýär kalby? Jeset, gyzyñ daşy durşuna jeset...

Kim ol? Yöne nätjek, boljak is boldy!... Täleýler ters geldi!.. Zoraim — eset! "Gelen senmi? Ada, senmi bu gelen? Git bu ýerden, gözleriñe söweýin Eşidýämiñ, sen garamyk dideleñ Elhençligin görmeli däl söweşiñ! Ol gözler görmeli däldir läşleri: Bilýän, seniñ söýgiñ sygmansoñ içe Gelensiñ. Peýdasy barmydyr ýeri?.. Diñe gan göresom gelipdi meniñ, Gan gördümem... Seni galdyryp, ine, Basym baky düýşsüz uka giderin. Onuñ holsa ýalñyz günäkäri men... Men ölerin ýyldyz görünen bada. Üstümizden ösdi aýralyk ýeli. Gorkma gandan! Uzat, ezizim eli, Men seniñ alnyñda günäkär, Ada. Bagyşla, sen ýalñyz galarsyñ mensiz, Mesgenem, hossaram tapyp bilmersiñ. Başga döşe başyñ goýanyñ bilen Hem söýeniñ bilen bagtly bolmarsyñ; Iki bagtlh bormy dünýä bir gelen?

Geregi ýok otly posalañ dilber,
Goýma sowap barýan dodagma lebiñ!
Meni indi posa dirildip bilmez.
Gaýta gussa goşup gussama meniñ,
Bagtly döwürlerim salarsyñ ýada.
Ah, eger unudan bolsadym käşgä,
Ýatlamalañ bardygyny dünýäde!
Sowuklyk kem-kemden gursagma süýşýä,
Diýmek, ölüm! Heý, oslajak zadyñmy?
Men entek ýaş ahyr! Ýaş! Ýaş! Aslynda
Döwran sürmelidik gyzyl-ýaşylly
Elwan imisalalygyñ astynda.
Hurmalaryñ kölgesiniñ astynda
Döwran sürmelidik, ýöne nädeýin,

Ynamymy diýseñ gödek aldady,
Meni senden aýran ýowuz täleýim!..
Bir zaman, ilimde, oglankam häli
Ýurdumyzyñ bir akyldar palçysy
Meniñ täleýime agtaryp paly
Aýdypdy: şeýle bir ajap wagt gelip,
Dabaraly ýeñiş gazanmalydym,
Şan-şöhrady başa jyga dek geýip,
Ýöne… sowuk demi urýar ajalyñ…"
Göründi hijranyñ ýeli öwseni,
Sesi ýañ deý eräp barýar howada,
Solýar kem-kem-gözleriniñ röwşeni.

Many alyp bilmese-de ýaryndan, Ýaradar ýigdini bagryna basýa. Göýä çykaran deý Ada ýadyndan Öñki gudratlarnyñ ýokdugyn asla. Owalky posa däl - posasy onuñ, Boş posadyn bolsa-da ol asaldan. Ne alyp bilýädi yzanyñ öñün, Ne-de rüstem gelýärdi ol ajaldan. Şol mahalam bir ýerinden asmanyñ Dogdy ýyldyz - tylla tygy tire deñ. Astynda bir bendäñ eñek atýanyn Asmandaky ýyldyz bilsin nireden? Şeýdibem kem-kemden inip aşaga Hem bälçiräp nazarlady pidany. Zoraim galýardy ýersiz azara Habar gatjak bolup gamgyn ýaryna. Emma sözi hyjuwlardan jydady! Indi ýakyp baranokdy ýaşy-da, Güýç ýok sowan synasyny ýyldara. Mejalsyz damýardy ýarañ gany-da: Birden gijäñ ruhy deý çaýçaññalak, Gygyryp, asmanda awun peýledi. Walla, ol çykmadyk janyñam aljak! Oglan bolsa alysdaky ýyldyza

Hem perişan Ada nazar aýlady, Hem tirsegne galyp, çekip ah-arman, Sandyrap, galdyrap tabşyrdy ol jan. Öldi. Dodaklary gögerýär barha. Eziz keşp adamlañ ýagty jahanda Haýykýan zadyna öwrülip barýa.

Kölegesi dury iñrikden geýnen Azaşan şöhle deý, heý, küýsän arşy Göterlip gitmezmi asmana eýsem, Gitmezmi sol parlak ýyldyza garsy? Alnynda kümüşsöw agyllapdyr Aý, Ýyldyzlar çalymdaş sabañ çygyna. Alagarañkyny cyzyp barýan ot Meñzeş süýnüp barýan ýyldyz yzyna... Ol örtenen Ajal perişdesidi, Gow kimin galdyryp meýdin gözeliñ, Zeminde galdyryp zemin derdini, Uçup gitdi gözün baglap göreniñ... Onuñ ýurdy arsda, ýene, elbetde, Ýerde söýen söýgüsine ucrar ol. Ýene Ajal perişde ol pelekde Öz pişesin dowam edip uçýar ol!.. Ukyñ cykyp gidişi deý endamdan Cykypdyr süññünden ahy-efganam, Emma bu dünýeden sowukdy kalby, Onda dünýä ýigrenç urýardy öwji. Ar aldykça ýerne gelýärdi göwni: Ýaşaýşa ýigrenji, ýigrenji dünýä -Zoraime söýgi bolup görünýä! Ýene perişde ol, müñ bir menzili Birdemde hyýal deý geçip gelýär ol. Nazarlary bilen asyry, ýyly, Hatda bakyýeti ölçäp bilýär ol. Dünýä mähir-mylakatyn ýitirip, Perişde jemledi serde pikirin: "Adamlar degmeýär gam çekeniñe,

Söýgi däl-de, jepa gerek olara.

Jeza gerek iñ ahyrky deminde

Ezýet çekip, jebir çekip ölere.

Hilegär hem ýowuz olar çakyñdan,

Ýagşylygy — nogsanydyr — her işde.

Ömürem ýük olara ýaş başyndan..."

Oýlanýar, mamladyr, belkem perişde?..

Onuñ bilen gutulgysyz duşuşyk
Hatar şondan bäri ynsan ogluna;
Göreçleri parlap geçer bakanda;
Onuñ mylakatly habar gatyşy
Gyjyt bolup salar bizi dowluna.
Goýny doñdurýa dyr bagra basanda,
Hem onuñ posasy — onuñ gargyşy!..

1831 ý.

*Mirt — ýaraşdyryjy simwoliki gül. (Terjimeçi).

Terjime eden: Nobatguly REJEBOW.

* * *

• АНГЕЛ СМЕРТИ

Восточная повесть

Посвящается А.М.В.

Тебе — тебе мой дар смиренный, Мой труд безвестный и простой, Но пламенный, но вдохновенный Воспоминаньем и — тобой!

Я дни мои влачу, тоскуя И в сердце образ твой храня, Но об одном тебя прошу я: Будь ангел смерти для меня.

Явись мне в грозный час страданья, И поцелуй пусть будет твой Залогом близкого свиданья В стране любви, в стране другой!

Златой Восток, страна чудес, Страна любви и сладострастья, Где блещет роза — дочь небес, Где всё обильно, кроме счастья; Где чище катится река, Вольнее мчатся облака, Пышнее вечер догорает, И мир всю прелесть сохраняет Тех дней, когда печатью зла Душа людей, по воле рока, Не обесславлена была, Люблю тебя, страна Востока! Кто знал тебя, тот забывал Свою отчизну; кто видал Твоих красавиц, не забудет

Надменный пламень их очей И без сомненья верить будет Печальной повести моей.

Есть ангел смерти; в грозный час Последних мук и расставанья Он крепко обнимает нас, Но холодны его лобзанья, И страшен вид его для глаз Бессильной жертвы; и невольно Он заставляет трепетать, И часто сердцу больно, больно Последний вздох ему отдать. Но прежде людям эти встречи Казались — сладостный удел. Он знал таинственные речи, Он взором утешать умел,

И бурные смирял он страсти, И было у него во власти Больную душу как-нибудь На миг надеждой обмануть!

Равно во все края вселенной Являлся ангел молодой; На всё, что только прах земной, Глядел с презрением нетленный; Его приход благословенный Дышал небесной тишиной; Лучами тихими блистая, Как полуночная звезда, Манил он смертных иногда, И провожал он к дверям рая Толпы освобожденных душ, И сам был счастлив. Почему ж Теперь томит его объятье, И поцелуй его — проклятье?

Недалеко от берегов И волн ревущих океана, Под жарким небом Индостана Синеет длинный ряд холмов. Последний холм высок и страшен,

Скалами серыми украшен И вдался в море; и на нем Орлы да коршуны гнездятся, И рыбаки к нему боятся Подъехать в сумраке ночном. Прикрыта дикими кустами, На нем пещера есть одна — Жилище змей — хладна, темна, Как ум, обманутый мечтами, Как жизнь, которой цели нет, Как недосказанный очами

Убийцы хитрого привет. Ее лампада — месяц полный, С ней говорят морские волны, И у отверстия стоят Сторожевые пальмы в ряд.

Давным-давно в ней жил изгнанник, Пришелец, юный Зораим. Он на земле был только странник, Людьми и небом был гоним. Он мог быть счастлив, но блаженства Искал в забавах он пустых, Искал он в людях совершенства, А сам — сам не был лучше их; Искал великого в ничтожном, Страшась надеяться, жалел 0 том, что было счастьем ложным, И, став без пользы осторожным, Поверить никому не смел. Любил он ночь, свободу, горы, И всё в природе — и людей, — Но избегал их. С ранних дней К презренью приучил он взоры, Но сердца пылкого не мог Заставить так же охладиться: Любовь насильства не боится, Она — хоть презрена — всё бог. Одно сокровище, святыню Имел под небесами он; С ним раем почитал пустыню... Но что ж? всегда ли верен сон?...

На гордых высотах Ливана Растет могильный кипарис, И ветви плюща обвились Вокруг его прямого стана; Пусть вихорь мчится и шумит И сломит кипарис высокой, -Вкруг кипариса плющ обвит: Он не погибнет одиноко!.. Так, миру чуждый, Зораим Не вовсе беден — Ада с ним! Она резва, как лань степная, Мила, как цвет душистый рая; Всё страстно в ней: и грудь, и стан, Глаза — два солнца южных стран. И деве было всё забавой, Покуда не явился ей Изгнанник бледный, величавый, С холодной дерзостью очей; И ей пришло тогда желанье Огонь в очах его родить И в мертвом сердце возбудить Любви безумное страданье, И удалось ей. Зораим Любил — с тех пор, как был любим; Судьбина их соединила, A разлучит — одна могила!

На синих небесах луна
С звездами дальными сияет,
Лучом в пещеру ударяет;
И беспокойная волна,
Ночной прохладою полна,
Утес, белея, обнимает.
Я помню — в этот самый час
Обыкновенно нежный глас,
Сопровождаемый игрою,
Звучал, теряясь за горою:
Он из пещеры выходил.
Какой же демон эти звуки
Волшебной властью усыпил?..

Почти без чувств, без дум, без сил,

Лежит на ложе смертной муки

Младая Ада. Ветерок Не освежит ее ланиты, И томный взор полуоткрытый Напрасно смотрит на восток, И утра ждет она напрасно: Ей не видать зари прекрасной, Она до утра будет там, Где солнца уж не нужно нам. У изголовья, пораженный Боязнью тайной, Зораим Стоит — коленопреклоненный, Тоской отчаянья томим. В руке изгнанника белеет Девицы хладная рука, И жизни жар ее не греет. «Но смерть, — он мыслит, — не близка! Рука — не жизнь; болезнь простая — Всё не кончина роковая!» Так иногда надежды свет Являет то, чего уж нет; И нам хотя не остается Для утешенья ничего, Она над сердцем все смеется, Не исчезая из него.

В то время смерти ангел нежный Летел чрез южный небосклон; Вдруг слышит ропот он мятежный, И плач любви — и слабый стон, И, быстрый как полет мгновенья, К пещере подлетает он. Тоску последнего мученья Дух смерти усладить хотел И на устах покорной Ады Свой поцелуй напечатлел:

Он дать не мог другой отрады! Или, быть может, Зораим Еще замечен не был им... Но скоро при огне лампады Недвижный, мутный встретив взор, Он в нем прочел себе укор; И ангел смерти сожаленье В душе почувствовал святой.

Скажу ли? — даже в преступленье Он обвинял себя порой. Он отнял всё у Зораима: Одна была лишь им любима, Его любовь была сильней Всех дум и всех других страстей. И он не плакал, — но понятно По цвету бледному чела, Что мука смерть превозмогла, Хоть потерял он невозвратно. И ангел знал, — и как не знать? Что безнадежности печать В спокойном холоде молчанья, Что легче плакать, чем страдать Без всяких признаков страданья.

И ангел мыслью поражен,
Достойною небес: желает
Вознаградить страдальца он.
Ужель создатель запрещает
Несчастных утешать людей?
И девы труп он оживляет
Душою ангельской своей.
И, чудо! кровь в груди остылой
Опять волнуется, кипит;
И взор, волшебной полон силой,
В тени ресниц ее горит.
Так ангел смерти съединился

Со всем, чем только жизнь мила; Но ум границам подчинился, И власть — не та уж, как была, И только в памяти туманной Хранит он думы прежних лет; Их появленье Аде странно, Как ночью метеора свет, И ей смешна ее беспечность, И ей грядущее темно, И чувства, вечные как вечность, Соединились все в одно. Желаньям друга посвятила Она все радости свои, Как будто смерть и не гасила В невинном сердце жар любви!..

Однажды на скале прибрежной, Внимая плеск волны морской, Задумчив, рядом с Адой нежной, Сидел изгнанник молодой. Лучи вечерние златили Широкий синий океан, И видно было сквозь туман, Как паруса вдали бродили. Большие черные глаза На друга дева устремляла, Но в диком сердце бушевала, Казалось, тайная гроза. Порой рассеянные взгляды На красный запад он кидал И вдруг, взяв тихо руку Ады И обратившись к ней, сказал: «Нет! не могу в пустыне доле Однообразно дни влачить; Я волен — но душа в неволе: Ей должно цепи раздробить... Что жизнь? - давай мне чашу славы, Хотя бы в ней был смертный яд, Я не вздрогну — я выпить рад: Не все ль блаженства — лишь отравы? Когда-нибудь всё должен я Оставить ношу бытия... Скажи, ужель одна могила Ничтожный в мире будет след Того, чье сердце столько лет Мысль о ничтожестве томила? И мне покойну быть? — о нет!.. Взгляни: за этими горами С могучим войском под шатрами Стоят два грозные царя; И завтра, только что заря Успеет в облаках проснуться, Труба войны и звук мечей В пустыне нашей раздадутся. И к одному из тех царей Идти как воин я решился. Но ты не жди, чтоб возвратился Я побежденным. Нет, скорей Волна, гонимая волнами

По бесконечности морей,
В приют родимых камышей
Воротится. Но если с нами
Победа будет, я принесть
Клянусь тебе жемчуг и злато,
Себе одну оставлю честь...
И буду счастлив, и тогда-то
Мы заживем с тобой богато...
Я знаю: никогда любовь
Геройский меч не презирала,
Но если б даже ты желала...
Мой друг, я должен видеть кровь!
Верь: для меня ничто угрозы
Судьбы коварной и слепой.

Как? ты бледнеешь?.. слезы? слезы? Об чем же плакать, ангел мой?» И ангел-дева отвечает: «Видал ли ты, как отражает Ручей склонившийся цветок? Когда вода не шевелится, Он неподвижно в ней глядится, Но если свежий ветерок Волну зеленую встревожит И всколебается волна, Ужели тень цветочка может Не колебаться, как она? Мою судьбу с твоей судьбою Соединил так точно рок, Волна — твой образ, мой — цветок. Ты грустен, — я грустна с тобою! Как знать? — быть может, этот час Последний счастливый для нас!..»

Зачем в долине сокровенной От миртов дышит аромат? Зачем?.. Властители вселенной, Природу люди осквернят. Цветок измятый обагрится Их кровью, и стрела промчится На место птицы в небесах, И солнце отуманит прах. Крик победивших, стон сраженных Принудят мирных соловьев

Искать в пределах отдаленных Иных долин, других кустов, Где красный день, как ночь, спокоен, Где их царицу, их любовь, Не стопчет розу мрачный воин И обагрить не может кровь.

Чу!.. топот... пыль клубится тучей,

И вот звучит труба войны,
И первый свист стрелы летучей
Раздался с каждой стороны!
Новорожденное светило
С лазурной неба вышины
Кровавым блеском озарило
Доспехи ратные бойцов.
Меж тем войска еще сходились
Всё ближе… ближе — и сразились;
И треску копий и щитов,
Казалось, сами удивились.
Но мщенье — царь в душах людей
И удивления сильней.

Была ужасна эта встреча, Подобно встрече двух громов В грозу меж дымных облаков. С успехом равным длилась сеча, И всё теснилось. Кровь рекой Лилась везде, мечи блистали, Как тени знамена блуждали Над каждой темною толпой, И с криком смерти роковой На трупы трупы упадали... Но отступает наконец Одна толпа; и побежденный Уж не противится боец; И по траве окровавленной Скользит испуганный беглец. Один лишь воин, окруженный Враждебным войском, не хотел Еще бежать. Из мертвых тел Вокруг него была ограда... И тут остался он один. Он не был царь иль царский сын,

Хоть одарен был силой взгляда

И гордой важностью чела.
Но вдруг коварная стрела
Пронзила витязя младого,
И шумно навзничь он упал,
И кровь струилась… и ни слова
Он, упадая, не сказал,
Когда победный крик раздался,
Как погребальный крик над ним,
И мимо смелый враг промчался,
Огнем пылая боевым.

На битву издали взирая С горы кремнистой и крутой, Стояла Ада молодая Одна, волнуема тоской, Высоко перси подымая, Боязнью сердце билось в ней, Всечасно слезы набегали На очи, полные печали... 0 боже! — Для таких очей Кто не пожертвовал бы славой? Но Зораиму был милей Девичьей ласки путь кровавый! Безумец! ты цены не знал Всему, всему, чем обладал, Не ведал ты, что ангел нежный Оставил рай свой безмятежный, Чтоб сердце Ады оживить; Что многих он лишил отрады В последний миг, чтоб усладить Твое страданье. Бедной Ады Мольбу отвергнул хладно ты; Возможно ль? ангел красоты Тебе, изгнанник, не дороже Надменной и пустой мечты?... Она глядит и ждет… но что же? Давно уж в поле тишина,

Враги умчались за врагами, Лишь искаженными телами Долина битвы устлана... Увы! где ангел утешенья? Где вестник рая молодой?

Он мучим страстию земной И не услышит их моленья!.. Уж солнце низко — Ада ждет… Всё тихо вкруг… он всё нейдет!..

Она спускается в долину И видит страшную картину. Идет меж трупов чуть дыша; Как у невинного пред казнью, Надеждой, смешанной с боязнью, Ее волнуется душа. Она предчувствовать страшится, И с каждым шагом воротиться Она желала б; но любовь Превозмогла в ней ужас вновь; Бледны ланиты девы милой, На грудь склонилась голова... И вот недвижна! Такова Была б лилея над могилой! Где Зораим? Что, если он Убит? — но чей раздался стон? Кто этот раненный стрелою У ног красавицы? Чей глас Так сильно душу в ней потряс? Он мертвых окружен грядою, Но час кончины и над ним... Кто ж он? — Свершилось! — Зораим.

«Ты здесь? теперь? — и ты ли, Ада? 0! твой приход мне не отрада! Зачем? — Для ужасов войны Твои глаза не созданы, Смерть не должна быть их предметом; Тебя излишняя любовь Вела сюда — что пользы в этом?.. Лишь я хотел увидеть кровь И вижу... и приход мгновенья, Когда усну, без сновиденья. Никто — я сам тому виной... Я гибну! Первою звездой Нам возвестит судьба разлуку. Не бойся крови, дай мне руку: Я виноват перед тобой...

Прости! Ты будешь сиротой, Ты не найдешь родных, ни крова, И даже… на груди другого Не будешь счастлива опять: Кто может дважды счастье знать?

«Мой друг! к чему твои лобзанья Теперь, столь полные огня? Они не оживят меня И увеличат лишь страданья, Напомнив, как я счастлив был; 0, если б, если б я забыл, Что в мире есть воспоминанья! Я чувствую, к груди моей Всё ближе, ближе смертный холод. 0, кто б подумал? как я молод! Как много я провел бы дней С тобою, в тишине глубокой, Под тенью пальм береговых, Когда б сегодня рок жестокой Не обманул надежд моих!.. Еще в стране моей родимой Гадатель мудрый, всеми чтимый, Мне предсказал, что час придет — И громкий подвиг совершу я,

И глас молвы произнесет Мое названье, торжествуя, Но…» Тут, как арфы дальней звон, Его слова невнятны стали, Глаза всю яркость потеряли И ослабел приметно он.

Страдальцу Ада не внимала,
Лишь молча крепко обнимала,
Забыв, что у нее уж нет
Чудесной власти прежних лет;
Что поцелуй ее бессильный,
Ничтожный, как ничтожный звук,
Не озаряет тьмы могильной,
Не облегчит последних мук.
Меж тем на своде отдаленном
Одна алмазная звезда
Явилась в блеске неизменном,

Чиста, прекрасна, как всегда; И мнилось: луч ее не знает, Что на земле он озаряет: Так он игриво нисходил На жертву тленья и могил. И Зораим хотел напрасно Последним ласкам отвечать; Всё, всё, что может он сказать, Уныло, мрачно, — но не страстно! Уж пламень слез ее не жжет Ланиты хладные как лед, Уж тихо каплет кровь из раны; И с криком, точно дух ночной, Над ослабевшей головой Летает коршун, гость незваный. И грустно юноша взглянул На отдаленное светило, Взглянул он в очи деве милой,

Привстал — и вздрогнул — и вздохнул — И умер. С синими губами И с побелевшими глазами, Лик — прежде нежный — был страшней Всего, что страшно для людей.

Чья тень прозрачной мглой одета, Как заблудившийся луч света, С земли возносится туда, Где блещет первая звезда? Венец играет серебристый Над мирным, радостным челом, И долго виден след огнистый За нею в сумраке ночном... То ангел смерти, смертью тленной От уз земных освобожденный!.. Он тело девы бросил в прах: Его отчизна в небесах. Там всё, что он любил земного, Он встретит и полюбит снова!..

Всё тот же он, и власть его Не изменилась ничего; Прошло печали в нем волненье, Как улетает призрак сна,

И только хладное презренье
К земле оставила она;
За гибель друга в нем осталось
Желанье миру мстить всему;
И ненависть к другим, казалось,
Была любовию к нему.
Всё тот же он — и бесконечность,
Как мысль, он может пролетать,
И может взором измерять
Лета, века и даже вечность.
Но Ангел смерти молодой
Простился с прежней добротой;

Людей узнал он: «Состраданья Они не могут заслужить; Не награжденье — наказанье Последний миг их должен быть. Они коварны и жестоки, Их добродетели — пороки, И жизнь им в тягость с юных лет…» Так думал он — зачем же нет?..

Его неизбежимой встречи Боится каждый с этих пор; Как меч — его пронзает взор; Его приветственные речи Тревожат нас, как злой укор, И льда хладней его объятье, И поцелуй его — проклятье!..

4 сентября 1831 г. Poemalar